

I. КОРАБЛИ

(пролог)

Я список кораблей прочёл до Мандельштама,
но всё же до конца, но до меня дошло,
что Осип Мандельштам, сей поезд журавлиный
читая до меня, на полпути заснул,
бессонницей своей измучен и кадастром
гомеровым. Когда б сей журавлиный клин
Гомер не вбил в башку ему, тогда, быть может,
бедняга до сих пор не спал бы... Может быть...

Теперь вот я не сплю. Тугие паруса
мозгов моих Борей бессонницы вздувает,
солёною волной вскипает на губах
безумия стихов божественная пена,
а триаконторов кровавые зрачки
и пентеконторов зеницы носовые,
грядущей битвы грозной яростью горя,
слепят огнем мои измученные очи,
и длинный выводок ахейских кораблей,
хлеща в лицо крылами парусов багровых,
треща рядами бортовых своих щитов,
мой тонкий череп долбит клювами таранов.

Всё это от любви? Всё движется любовью?
Всё эти тысяча сто восемьдесят две
чёрно-багровые чудовищные птицы,
все полста тысяч рукоплещущихся весл?

II. АХЕЙЦЫ

Агамемнон, Амфимах, Антиф, Аскалаф, Агапенор,
Ахиллес, Аркесилай, Аяксы —Теламонид и Оилеид,
Гуней, Диомед и Диор, Идомений и Иялмен
Клоний, Леит, Леонтей, Махаон, Мегес и Медон,
Менелай, Менесфей. Мерион, Нестор с Ниреем,
Одиссей, Пенелей, Подалир, Поликсен, Полипет и Подаркес,
Профоенор, Профоой, Сфенел, Схедий, Тлеподем и Фалпий,
Фидипп, Филоктет и Фоас, Эвмел, Эвриал, Эпистроф,
Эврипил, Элефенор — и за ними ещё тысячи безымянных:
беотийцы, абанты, данайцы, критяне, афиняне, локры,
магнеты, перребы, родосцы, саламиняне и фессалийцы,
фокеяне и эниане, эпееяне и этолийцы... — десятков
многих племён самцы, налитые молоками смерти,
лат чешуёю блестя, из Авлиды плывут на гибельный нерест.

Что Троя им? Предлог. Да что им и Елена? —
в любом обличьи смерть влечёт их на убой,
как на нерест лосось, ахейцы рвутся к устью
Скамандра, к берегам, где ждёт их грозный рок.

III. МЕНЕЛАЙ

Когда внезапно в бою обмякло тело Патрокла,
набухло роком, набрякло смертью, кровью намокло,
я наклонился и с изумленьем его потрогал:
куда девался могучий воин, герой Патрокл?
Я поразился: куда девалась вся жизнь Патрокла?!
Куда уходят все наши жизни, все жизни смертных?
Слепая гибель висит над нами, как меч Дамокла,
над головами троянцев, греков, других, несметных.

Зачем мы жили, любили женщин, вино, оливки?
Зачем мы пели, суда снастили, гребли и плыли?
Зачем собирали в ларцы опалы и сердолики?
Чтобы исчезнуть, бесследно сгинуть, как вихри пыли?

Ответа нету? Ответа нету. Ответа нету!

IV. ТРОЯНЦЫ

Азий, Адраст, Акамасы — дарданец и фракиянин,
Амфимах и Амфий, Архелох, Антиф и Асканий,
Гектор, Гиппофоой, Главк, Годий, Месфл и Настес,
Пандар и Пилей, Пилемен, Пирехм, фракиянин Пирос,
Сарпедон, Форкис и Хромий, Эвфем, и Энномос,
Эней, Эпистроф — и с ними десятки тысяч безвестных:
гализоны, карийцы, кавконы, лелеги, ликийцы,
меонийцы, мисийцы, пеласги, троянцы... — и с ними
многих родов мотыльки, покрыты пылью смертоносной
лат, на манящий огонь слетелись в долину Скамандра.

Что Троя им? Предлог. Да что им и Елена? —
слетаются они к Скамандра берегам;
как стаю мотыльков на свечку Персефоны,
в любом обличьи смерть влечёт их на убой.

V. АГОН

Вот и кончается время,
великое время,
гибнет в агонии Троя,
могучая Троя.

Вот и кончаются мысли,
великие мысли.
Еду в вагоне метро я,
в загоне метро я.

Разум в огне, он в агоне,
огне и агоне,
бьются в агонии мысли,
вагонные мысли,

насмерть дробясь о табличку,
слова на табличке:
«...старших кассиров билетных,
кассиров билетных».

Ужасом едким и жгучим,
едким и жгучим,
мыслью последней я мучим,
единственной мучим:

— Где же возьмут они столько,
найдут они столько
«..старших кассиров билетных,
кассиров билетных»?

Где эти все Хрисеиды
где те Брисеиды,
эти Елены, Парисы,
красавцы Парисы?

Плачь же по Гектору, Троя,
рыдай по героям,
«..старшим кассирам билетным,
кассирам билетным».

..бывшим кассирам билетным
кассирам билетным.

..павшим билетным кассирам,
кассирам, о, боги!

VI. ОДИССЕЙ

(длинный монолог с короткими цензурными купюрами)

Я не стоик, не стоек я в страсти и страхе, и боли.
Не хотел я идти воевать, притворился безумным,
но безумство войны превосходит безумие мира,
и, как я ни пытался закосить, прикинувшись психом
и, запрягши вола и осла, сеял соль в борозду вместо зёрен,
но посланник войны разгадал мою жалкую хитрость,
мне родного младенца подбросив под лезвие плуга,
и пришлось мне оставить мой остров, жену и ребёнка,
взять мой меч и повесить мой щит за бортом корабля,
[...]

Чтоб скорее покончить с войной, я построил подставу
для троянцев: пустого коня из досок корабельных,
с полудюжиной воинов спрятался в нём, и троянцы,
не поверив Кассандре, втащили находку за стены,
добрым знаком и даром богов посчитали, бедняги.
Той же ночью и сгинула Троя, судьбы не продля,
[...]

Но война не хотела меня отпускать, подло мстила
мне за хитрость мою. Двадцать лет я морями скитался,
конопата борта прохудившиеся и латая
парусины рванье и обрывки последней надежды,
счёт теряя неделям и скалам, волнам и потерям;
не пускала паскуда-война в дом родной возвратиться,
и болтался по свету я, словно под носом сопля,
[...]

И покудова я выживал, а жена вышивала,
время вспомнило всё, но пространство себя позабыло.
Я растягивал время, как выцветшую парусину,
но рвалось оно в клочья, гнильём выпадая меж пальцев,
я сжимал в кулаках расстоянья, как руль корабельный,
но они вырывались из рук и кружили, кружили,
ничего кроме волн и чужих островов не суля,
[...]

Но когда наконец я домой с той войны воротился,
у порога меня она там, словно пёс, поджидала,
мне троянским конём женихов обнаглевших подсунув,
и опять мне пришлось убивать, чтоб кровавую жертву
принести, гекатомбу во имя войны ненасытной,
твари, вечно голодной и жаждущей мяса людского.
Что пред властью войны человек, как не жалкая тля,
[...]

VII. ЭПИГОНЫ

Аллен, Андрюз, Беитес, Бете и Борухович,
Боура, Бурр, Виламовиц-Мёллендорф, Веид-Гери,
Висснер, Гордезиани, Дреруп, Какридис, Каухчишвили,
Кершенштейнер, Кирк, Куллман, Лески и Лосев,
Лиф, Лоример, Мари, П. фон дер Мюль и Мюльдер,
Низе, Пеидж, Римшнейдер, Тронский, Уитмен и Хаксли,
Хампе, Хойбек, Шадевальдт и Швартц со Шмидтом,
Якоби, Яхман — и с ними другие славные гомероведы,
чужа поживу, на запах погибели, крови и тлена,
мертвых племен и языков, истории, — перья топыря,
словно стервятники грифы, слетают на строфы Гомера,
словно гиены, сбегаются трупы растаскивать, рвать на цитаты.

Что Троя им? Предлог. Да что им и Елена? —
Сползаются они, как черви на гнильё,
на мертвые слова, свидетельства о смерти,
в любом обличьи смерть зовет и манит их.

VIII. ТРОЯ

(палimpseст на козлиной коже)

Спотыкаясь оком размышлений, о ком
только что песнь нам спел, Гомер слеп,
но свой навар эгейской накипью с пен,
то ли эвксинской — дом-то вон без окон, —

свой миллион с Илиона с понта снял,
только не легковерных греческих драхм,
а полновесных древних греческих слов, —
слепок души его, зрячей, как бог свят,

зря, что ли, лёг в козлиный базар гомерических драм
гексаметрический мерный с цезурой слог,

словно прибой, что тысячу лет с тех пор
бьёт в наши души ритмом ревущих волн,
рвёт нам сердца грозный свирепый хор
древних героев, в битвах сведённых в ноль,

в царство мёртвых сошедших, во мрак рва,
или с кормы триаконтора быстрым рыбам на корм
в грохоте волн — не важно, коль плоть мертва,
в рокоте рока не слышен ни бой, ни шторм,

только один ропот пропащих душ,
в котором лишь боль и страх, злоба и месть,
лишь тоска и проклятья, ужас и скорбь, и чушь —
чу?.. — что для них надежда всё ещё есть.
Но для надежды ни шанса, выхода нет,

там, наверху, давно уже косный холм
бывшего времени, окаменелой земли.
Шли нам, Шлиман, из Илиона привет,
ты же, слепой, говори, спотыкаясь оком, — о ком? —
тех, что были и навсегда ушли;

осталась только козлиная песнь, свирель, слова,
вечная скиния скены, оркестра и логейон,
протагонист и хор, а Троя мертва,
тысячу лет мертва, прощай, Илион!

Авлос волосы всхлипов в память твою рвет,
тщетно начальник хора, хоревт, машет рукой,
ныне лишь мир и покой над могилами павших рот,
битвы окончены, занавес, мир и покой,

вечен в безмерности времени тлена плен,
вымерли боги, стёрты герои в пыль,
нету у Греции больше таких Елен,
грязные козы щиплют забвенья ковыль.

IX. ИЛИАДА, EXCAVATED FRAGMENTS

*(эпизод, 18+, содержит ненормативную лексику,
целлофанированное)*

Скажи-ка, дядя, кривой сверхсрочник, какого хрена
троянец с греком сошлись, друг друга лупя по бейцам,
что, не видали мы ихних сала и круассанов?

Накой сдалась бы нам Троя, кабы не та Елена,
что нам Таврида с её Версалем, простым ахейцам?
Всё это игры Наполеонов и Чойбалсанов...

<...>

...— Итак, — промолвил седой полковник, сверкнув очами, —
стоять бояца, сидеть смеяца, лежать ибаца!

Страна Ахайя, тюрьма народов, лежит за нами,
Коринф — столица. Пора молица: придеца драца.
Царю и Богу и мне с Отецтвом вы все сынами,
ибаца-сраца, упасть-отжаца, готовьтесь, братцы!..

<...>

И только небо над полем брани младая Эос,
паскуда девка, розовоперсто нам осветила,
как оба стана зашевелились, в шеренги строясь.
Гнусавят дудки, режут букцины, в их грозный мелос
вплелись шофары. Пошли фаланги. — Вперёд, мудилы! —
орёт полковник, срывая глотку, в крови по пояс...

<...>

Тут я замечу: рождённый хватом всегда полковник,
муж всех солдаток, он от рожденья отец солдатам,
он сын Отчизны, слуга Престолу, сатрап-опричник,
в армейской гуще он с головой, как в борще половник,
но в битвах силы всегда он гибнет, сражён булатом,
одним из первых, хотя в науках войны отличник...

<...>

Да, были люди во время оно в родной Элладе,
и было время, мы за Ахайю махались круто,
жил не жалели, ломясь в атаку всей гопотою.
Не то, что эти — интеллигенты, рапсоды, бляди
и либерасты, гнилое семя, сплошь проституты!
Да разве б эти Коринф спалили, но взяли Троию?!

<...>